

17.08.01

Розов Виктор Сергеевич

БЕССМЕРТНЫЕ НЕ СТАРЯТСЯ

Восемьдесят восьмой день рождения Виктор Сергеевич Розов встретит 21 августа в больнице. Он там уже обвыкся за полгода.

Наши молодые журналистки знают Розова по доронинскому спектаклю «Ее друзья». Поднагужившись, вспомнили фильм «Летят журавли», кажется, поставленный по какой-то его пьесе. Это уже очень много. Такой эрудицией могут блеснуть едва ли двое-трое из сотни людей компьютерного поколения.

А ведь было, было – целых два десятилетия отечественного театра прошли под знаком Розова. Его «Вечно живыми» начался «Современник». Ему принадлежит самый яркий образ периода «оттепели»: мальчик, рубящий отцовской саблей мебель – символ мещанства («В поисках радости»).

Розов – из той исчезнувшей страты беспартийных коммунистов, которые не зарабатывали на своих идеалах по схеме «партибилет – власть – льготы». Он это четко разделяет: заработки заработками, а идеалы идеалами. И в комсомоле-то никогда не состоял, а не то что в партии. При этом пошел добровольцем на фронт, «потому что очень люблю Россию, особенно Советский Союз», как он с гениальной наивностью объяснил одному из нас.

Или вот еще розовская мысль: единственный положительный персонаж в «Анне Карениной» – Каренин, который своей жене не изменял и чужих не уводил.

Идеалист – неудобная фигура в обществе, живущем по двойным стандартам. Запретить пьесы Розова было так же невозможно, как запретить «Моральный кодекс строителя коммунизма». Там все было честь по чести: прекраснотушние герои поступали по-коммунистически, сиречь по-христиански. Но в этом и заключался вызов. Как если бы директор закрытого распределителя вдруг стал продавать всем подряд цековскую семгу на том основании, что по конституции каждый гражданин СССР имеет равные права. Уже в наши дни Розов признался, что сроду не держал фиги в кармане, у него это не нарочно получалось – писал по совести, вот и все. А тогда его пьесы ставили и ругали, ставили и ругали. Наконец, просто не осталось театра, где не шли бы спектакли по Розову, и его причислили к «выдающимся советским»: присудили Госпремию одним указом с Табаковым, Волчек и Козаковым. Но не за оригинальную пьесу, а за написанную еще во студенчестве инсценировку по гончаровской «Обыкновенной истории».

Сейчас он не пишет. «Я стал такой старый, что мне ничего не влетает больше в голову, а если и влетает, то не то, что надо». Жалуются на раненую ногу и на сердце – первый инфаркт перенес еще в пятидесятых. Но бессмертные не старятся, а Виктор Сергеевич как раз из таких.

Журналисты «ВК»

Вет. 10.05-2001.
- 17 авг. - 0.11